

А. Д. Воропаев^{1✉}, В. М. Белов¹, Д. Л. Косов²

Требования к цифровым доказательствам, полученным с использованием систем искусственного интеллекта

¹ Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
г. Новосибирск, Российская Федерация

²Общество с ограниченной ответственностью «Надежда», г. Новосибирск
e-mail: wad0230@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются процессуальные требования, предъявляемые к цифровым доказательствам, сформированным с применением систем искусственного интеллекта. Анализируется проблема допустимости подобных доказательств в условиях отсутствия специализированного правового регулирования в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ). Особое внимание уделено феномену «черного ящика», вопросам верификации алгоритмических выводов и распределения ответственности за ошибки искусственного интеллекта. На основе доктринального анализа и изучения зарубежного опыта сформулированы предложения по внедрению критериев воспроизводимости и транспарентности как обязательных условий признания доказательственной силы за результатами работы интеллектуальных систем.

Ключевые слова: цифровые доказательства, искусственный интеллект, допустимость доказательств, уголовный процесс, «черный ящик», верификация, алгоритмическая прозрачность, машинное обучение, электронные носители информации, процессуальная форма

A. D. Voropaev^{1✉}, V. M. Belov¹, D. L. Kosov¹

Requirements for Digital Evidence Obtained Using Artificial Intelligence Systems

¹ Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: wad0230@yandex.ru

Abstract. The article examines the procedural requirements for digital evidence generated using artificial intelligence (AI) systems. The article analyzes the problem of the admissibility of such evidence in the absence of specialized legal regulation in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Special attention is paid to the phenomenon of the «black box», the verification of algorithmic conclusions and the allocation of responsibility for AI errors. Based on a doctrinal analysis and the study of foreign experience, proposals have been formulated to introduce criteria for reproducibility and transparency as mandatory conditions for recognizing the evidentiary value of the results of the work of intelligent systems.

Keywords: digital evidence, artificial intelligence, admissibility of evidence, criminal procedure, «black box», verification, algorithmic transparency, machine learning, electronic media, procedural form

Введение

Дискуссия о правовой природе и допустимости электронных данных в уголовном судопроизводстве России имеет многолетнюю историю. В научной ли-

тературе традиционно выделяются работы, посвященные проблемам собирания и фиксации доказательств на электронных носителях. Так, после принятия Федерального закона от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ в УПК РФ, впервые появилась категория «электронные носители информации», которую законодатель отнес к вещественным доказательствам [1], что положило начало формированию нормативной базы для работы с цифровыми следами. Дальнейшее развитие данная проблематика получила в исследованиях Д.В. Бахтева, О.В. Гладышевой, Я.В. Лошкобановой и В.А. Семенцова, в которых предпринята попытка осмысления места искусственного интеллекта (ИИ) в системе средств уголовно-процессуального доказывания. При этом вопросы допустимости результатов, генерируемых системами ИИ, остаются недостаточно изученными, а законодательные механизмы их оценивания фактически отсутствуют.

Актуальность темы обусловлена взрывным ростом объемов цифровой информации, подлежащей анализу в рамках расследования преступлений. Экстенсивное увеличение массива данных, содержащихся в социальных сетях, мессенджерах, облачных хранилищах и на иных интернет-ресурсах, делает невозможным их полноценный осмотр и оценивание исключительно силами человека [2]. Следователь и суд объективно нуждаются в автоматизированных инструментах, способных обрабатывать большие данные, выявлять скрытые закономерности и логические противоречия в показаниях [3]. ИИ уже применяется для распознавания лиц, анализа видео, построения поведенческих моделей и даже для создания текстовых моделей судебного следствия с целью последующего поиска в них несоответствий. Вместе с тем, стремительное развитие технологий генеративного ИИ порождает новые риски, связанные с появлением дипфейков и иных форм высокотехнологичной фальсификации доказательств [4].

Проблема исследования заключается в отсутствии четких правовых регламентов, определяющих условия и пределы использования данных, полученных с помощью систем ИИ, в процессе доказывания по уголовным делам [5]. Действующий УПК РФ не содержит ни легальной дефиниции «цифрового доказательства», ни специальных норм, регулирующих алгоритмическую обработку информации [6]. Такая правовая неопределенность создает риски признания недопустимыми доказательств, полученных с применением передовых технологий, либо, напротив, некритичного принятия судами машинных выводов без надлежащей проверки их достоверности.

Целью настоящего исследования является выявление пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве и разработка предложений по обеспечению допустимости цифровых доказательств, сформированных с использованием ИИ. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) проанализировать существующие требования к допустимости доказательств по УПК РФ и их применимость к цифровым данным;
- 2) исследовать проблему «черного ящика» и ее влияние на оценивание достоверности результатов работы ИИ;

3) определить условия, при которых результаты алгоритмического анализа могут приобретать доказательственную силу;

4) сформулировать практические рекомендации по совершенствованию правового регулирования.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации научных подходов к пониманию правовой природы цифровых доказательств, полученных с участием ИИ, и обосновании необходимости введения специальных критериев их допустимости. Практическая значимость заключается в возможности использования сформулированных предложений для совершенствования уголовно-процессуального законодательства и формирования единообразной судебной практики оценивания таких доказательств.

Допустимость доказательств как ключевой институт уголовного процесса

Допустимость доказательств является фундаментальной категорией уголовно-процессуального права, определяющей саму возможность использования тех или иных сведений для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Согласно ч. 1 ст. 75 УПК РФ, доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального закона, являются недопустимыми, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ [7]. Таким образом, допустимость выступает своего рода процессуальным фильтром, отсекающим информацию, добытую неправомерным путем.

Традиционная доктрина уголовного процесса выделяет несколько обязательных условий допустимости:

1) доказательство должно быть получено надлежащим субъектом, уполномоченным на производство процессуальных действий;

2) источник доказательства должен соответствовать перечню, установленному ч. 2 ст. 74 УПК РФ;

3) процедура собирания, фиксации и закрепления доказательства должна строго соответствовать предписанной законом процессуальной форме.

Нарушение любого из этих условий влечет за собой признание доказательства недопустимым [8].

Внедрение цифровых технологий в сферу уголовного судопроизводства поставило перед правоприменителем ряд принципиально новых вопросов. Прежде всего, до настоящего времени в УПК РФ отсутствует легальное определение понятия «электронное доказательство», что существенно осложняет их понимание и использование в уголовном судопроизводстве [6]. Законодатель ограничился лишь отнесением электронных носителей информации к категории вещественных доказательств [1], что явно недостаточно для охвата всего многообразия цифровых данных (облачные хранилища, потоковые данные, результаты работы алгоритмов). В доктрине неоднократно высказывались предложения о необходи-

мости пополнения уголовно-процессуального закона дефиницией электронных доказательств и закреплением порядка обращения с ними [6].

Цифровые доказательства обладают рядом специфических особенностей, предопределяющих повышенные правовые риски их использования. Во-первых, они характеризуются высокой степенью изменчивости и подверженности модификации, что требует применения специальных технических средств для обеспечения их аутентичности и целостности (хэширование, цифровая подпись, временные метки) [9]. Во-вторых, цифровая информация, как правило, неразрывно связана с материальным носителем, однако может существовать в виртуальной среде без четкой географической локализации. В-третьих, оценивание цифровых доказательств зачастую требует специальных познаний в области информационных технологий, что обуславливает необходимость привлечения специалистов или производства судебных экспертиз. Классические критерии допустимости доказательств, сформированные в эпоху «бумажного» делопроизводства, сталкиваются с новыми вызовами при оценивании цифровых данных [5].

Применительно к доказательствам, полученным с использованием ИИ, проблема допустимости приобретает особую остроту. Результаты работы алгоритмов машинного обучения не подпадают в чистом виде ни под одну из традиционных категорий, предусмотренных ст. 74 УПК РФ. Они не являются в полном смысле ни вещественными доказательствами, ни документами, ни заключением эксперта, поскольку генерируются не человеком, а автоматизированной системой. Как справедливо отмечается в литературе, ИИ не является субъектом уголовного процесса, не относится к техническим средствам по смыслу норм УПК, не несет ответственности за принятые решения и не обладает внутренним убеждением [10]. Следовательно, возникает настоятельная потребность в выработке специальных критериев, позволяющих оценивать допустимость и достоверность таких данных. При этом суды критически относятся к использованию нейросетей при подготовке доказательств по делу, подчеркивая, что такие материалы не отвечают критерию достоверности и не позволяют проверить источник сведений [11].

Искусственный интеллект как субъект процессуальной деятельности: проблемы атрибуции и верификации

Одной из центральных проблем, препятствующих полноценной интеграции ИИ в систему уголовно-процессуального доказывания, является так называемый «эффект черного ящика». Под ним понимается фундаментальная непрозрачность алгоритмических процессов, протекающих внутри сложных нейросетевых моделей. Даже разработчики таких систем зачастую не могут с достоверностью объяснить, почему на основе одних и тех же входных данных модель пришла к тому или иному выводу [12]. Данный принцип предполагает, что любая юридически значимая операция, совершенная «черным ящиком», должна подлежать верификации человеком, а правовые последствия такой операции должны быть вменены конкретному субъекту права. В контексте уголовного судопроизводства, где цена ошибки измеряется судьбой человека, непрозрачность алгоритмов создает

непреодолимое препятствие для их использования в качестве источника доказательств, поскольку суд и стороны лишены возможности полноценно проверить корректность машинных выводов [13].

В современных исследованиях предпринимаются попытки преодоления «эффекта черного ящика» с помощью технологий механистической интерпретируемости, которые позволяют визуализировать внутренние связи в нейросетях и выявлять, какие именно части модели отвечают за конкретное поведение. Однако широкое внедрение таких технологий в юридическую практику – дело отдаленного будущего. На сегодняшний день наиболее реалистичным подходом является внедрение стандартов объяснимости и обязательного человеческого контроля за результатами работы ИИ.

С проблемой «черного ящика» тесно связан вопрос ответственности за ошибки, допущенные ИИ при обработке данных [14]. Кто должен нести юридическую ответственность в случае, если алгоритмический вывод повлек за собой неверную квалификацию деяния, незаконное привлечение к уголовной ответственности или, напротив, укрытие преступления: разработчик программного обеспечения, следователь, применивший систему, эксперт, интерпретировавший результаты, или само государство? Очевидно, что ИИ лишен социоцентрической мотивации при принятии решения, а применяемый им алгоритм не может охватить множественность мотивационных установок, обусловленных как назначением правосудия, так и субъективно-личностными особенностями судьи, рассматривающего дело [10]. Ответственность в любом случае должна возлагаться на человека – либо на должностное лицо, принявшее процессуальное решение на основе данных ИИ, либо на эксперта, использовавшего ИИ в качестве инструмента исследования. Однако для этого необходимо четко разграничить функции человека и машины в процессе доказывания. Как отмечается в литературе, системы ИИ не обладают правосубъектностью и не могут нести уголовную ответственность [15].

С точки зрения уголовно-процессуальной формы, результаты работы ИИ могут быть введены в процесс двумя основными способами: либо как приложение к протоколу следственного действия (например, осмотра интернет-ресурсов), либо как составная часть заключения эксперта или специалиста. При этом в доктрине обосновано, что результаты работы систем ИИ в процессе доказывания по уголовному делу являются вспомогательными средствами доказывания [16]. В любом случае, обязательным условием их допустимости должна выступать проверяемость и воспроизводимость полученных результатов. Воспроизводимость является фундаментальным требованием для признания судебных доказательств допустимыми: независимый эксперт должен иметь возможность применить ту же методологию и прийти к тем же результатам. Применительно к ИИ это означает, что алгоритм должен быть документирован, его исходный код или, по крайней мере, архитектура и параметры должны быть доступны для независимого экспертного оценивания, а процесс обучения модели должен быть верифицируемым [17].

В международной практике прослеживается ужесточение подходов к оцениванию доказательств, полученных с применением алгоритмических систем. Показательным примером здесь служат правовые тенденции в Соединенных Штатах, где в настоящее время идет работа над Предлагаемым правилом доказывания 707. Согласно проекту этого документа, любая информация, сгенерированная машиной, должна отвечать тем же критериям надежности, которые предъявляются к заключению и показаниям эксперта-человека [18]. В странах Европейского союза аналогичным образом инициированы процессы формирования нормативной базы, касающейся применения ИИ в сфере уголовной юстиции. Особый акцент в этих инициативах сделан на обязательной прозрачности вычислительных процессов и возможности независимой перепроверки итоговых данных [19]. Практическим следствием таких требований становится обязанность инициатора использования ИИ-доказательства раскрыть не только конечный результат, но и исходные массивы информации, методологию их обработки, а также подтвердить, что конкретная вычислительная модель применялась к этим данным корректно и не дала сбой.

Результаты

Итоги анализа позволяют сгруппировать основные препятствия для признания цифровых ИИ-доказательств допустимыми по нескольким ключевым направлениям, которые образуют единую структурно-логическую модель.

Первая группа рисков связана с непрозрачностью алгоритмического механизма (так называемый «черный ящик»). Если архитектура нейронной сети и логика принятия ею решений остаются недоступными для изучения участниками процесса, суд лишается возможности убедиться в отсутствии случайной или системной ошибки, что делает результат работы ИИ непригодным для доказывания. Сопутствующим требованием здесь становится документирование процесса обучения модели, включая фиксацию версий программного обеспечения и характеристик тренировочных выборок, поскольку без этих сведений невозможно воспроизвести полученные выводы на другом оборудовании.

Второй блок касается обеспечения целостности и аутентичности исходных цифровых объектов. Любое неконтролируемое изменение файла или потока данных, произошедшее до момента процессуальной фиксации, влечет недопустимость сведений согласно ст. 75 УПК РФ. Минимизировать подобные риски можно лишь внедрением криптографических методов защиты (расчет хэш-сумм, использование электронной подписи) и ведением непрерывного журнала событий.

Третья группа проблем охватывает процессуальную форму. В настоящее время в УПК РФ не закреплены ни отдельный вид доказательств, ни специальная процедура осмотра информационных ресурсов с применением ИИ. Соответственно, даже технически корректный результат анализа может утратить силу из-за пробелов в протоколировании. Выходом видится внесение в закон норм, обязывающих указывать в протоколе не только факт применения автоматизированной системы, но и ее идентификационные параметры.

Наконец, нельзя игнорировать человеческий фактор и вопрос смещения данных. Поскольку ИИ не обладает процессуальной правосубъектностью, бремя доказывания надежности алгоритма и корректности его обучения ложится на ту сторону, которая ходатайствует о приобщении таких материалов. Кроме того, требуется обязательная предварительная валидация модели на предмет наличия дискриминационных искажений и оценивание частоты ошибочных срабатываний.

Обсуждение

Изложенные данные подтверждают тезис о том, что действующая система уголовно-процессуального оценивания доказательств оказалась не готова к экспансии технологий машинного обучения. Сложившаяся нормативная база, ориентированная на традиционные источники информации, не содержит инструментов для адекватной проверки данных, генерируемых самообучающимися алгоритмами. Это подтверждается и выводами других исследователей. В частности, А.П. Папикян указывает на отсутствие в УПК РФ не только легального определения «электронных доказательств», но и универсальных критериев их допустимости [5]. Аналогичной позиции придерживаются авторы, подчеркивающие назревшую необходимость дополнения УПК РФ статьей 74.1, содержащей определение электронных доказательств [6]. Неуказание хэш-суммы цифрового файла в постановлении о назначении экспертизы и в самом экспертном заключении признается в литературе серьезной процессуальной ошибкой, влекущей невозможность идентификации цифрового объекта [9]. Высказываются предложения о необходимости закрепления в УПК РФ принципов использования технологий ИИ в экспертной деятельности [20].

Интересным представляется сопоставление полученных результатов с подходами, выработанными в зарубежной доктрине. В исследовании Singh S. подчеркивается, что, несмотря на очевидный потенциал ИИ для повышения эффективности анализа доказательств, суды демонстрируют вариативность в принятии таких доказательств из-за ограниченной технической грамотности и отсутствия стандартизированных протоколов валидации [21]. Это наблюдение в полной мере применимо и к российской правовой действительности. Более того, в зарубежной практике уже формируется понимание необходимости многоуровневой системы проверки ИИ-доказательств, включающей предварительную оценку на стадии расследования, контроль со стороны прокурора и углубленную судебную проверку с привлечением технических специалистов.

Представляется, что предложенная в настоящей статье модель обеспечения допустимости ИИ-доказательств, основанная на принципах транспарентности, воспроизводимости и обязательного человеческого контроля, в целом коррелирует с международными тенденциями [19]. Вместе с тем необходимо признать, что российская правовая система обладает определенной спецификой. В отличие от англосаксонской модели, где акцент делается на состязательности и экспертных показаниях, в российском уголовном процессе ключевое значение имеет соблюдение процессуальной формы собирания доказательств. Следовательно, про-

стое заимствование зарубежных подходов без их адаптации к отечественным реалиям невозможно. Кроме того, актуальной проблемой является необходимость совершенствования методического обеспечения применения ИИ в судебной деятельности [22].

Дискуссионным остается вопрос о допустимости использования генеративного ИИ для создания текстовых моделей судебного следствия. Как отмечается в литературе, нейросеть не способна выступать в роли субъекта оценивания доказательств, но она может быть эффективно задействована для анализа логических противоречий в показаниях [23]. Представляется, что такая практика допустима лишь при условии, что окончательные выводы делаются судом самостоятельно, на основе своего внутреннего убеждения, а результаты работы ИИ рассматриваются не как готовое доказательство, а как вспомогательный аналитический инструмент [24].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы и рекомендации.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не содержит норм, регламентирующих порядок получения, проверки и оценивания цифровых доказательств, сформированных с применением систем ИИ. Отсутствие легальной дефиниции «электронное доказательство» и специальных критериев допустимости создает правовую неопределенность и препятствует эффективному использованию передовых технологий в доказывании.

Ключевыми условиями признания допустимости результатов работы ИИ должны выступать:

- 1) прозрачность алгоритма, исключая «эффект черного ящика» и обеспечивающая возможность понимания логики машинных выводов;
- 2) воспроизводимость результатов, гарантирующая возможность их независимой проверки;
- 3) соблюдение процессуальной формы фиксации, включающей обязательное отражение в протоколе следственного действия факта и условий применения ИИ;
- 4) обязательный человеческий контроль и интерпретация результатов специалистом или экспертом.

В целях устранения выявленных пробелов правового регулирования представляется необходимым внесение изменений в УПК РФ, предусматривающих:

- 1) введение статьи 74.1 «Электронные доказательства», содержащей определение и критерии допустимости цифровых данных;
- 2) дополнение норм о производстве осмотра (ст. 176–177 УПК РФ) положениями об особенностях осмотра интернет-ресурсов с применением ИИ, включая обязанность фиксации в протоколе используемых алгоритмов и их версий;
- 3) установление требования обязательной сертификации программного обеспечения, используемого в целях получения доказательств.

Дальнейшие научные исследования в данной области должны быть направлены на разработку конкретных методик верификации алгоритмов машинного обучения в контексте уголовного судопроизводства, а также на изучение возможностей применения технологий объяснимого ИИ (ХАИ) для повышения прозрачности и проверяемости машинных выводов [25]. Особого внимания заслуживает проблема правового оценивания доказательств, потенциально сфальсифицированных с помощью генеративных нейросетей (дипфейков) [4].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 28.07.2012 № 143-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 31. – Ст. 4332. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.04.2026).
2. Бирюков, С. Ю. Современные инструменты оптимизации расследования: искусственный интеллект, Big Data и интеллект-карты / С. Ю. Бирюков // Вестник Сургутского государственного университета. – 2025. – № 4. – URL: <https://www.surguvest.ru> (дата обращения: 19.04.2026).
3. К вопросу о перспективах использования технологий искусственного интеллекта в процессе доказывания по уголовным делам // Молодой ученый. – 2025. – URL: <https://moluch.ru> (дата обращения: 19.04.2026).
4. Экспертиза видеозаписей на дипфейк: правовые основы, методики и практические кейсы // Федерация судебных экспертов. – 2026. – URL: <https://sud-expertiza.ru> (дата обращения: 19.04.2026).
5. Папикян, А. П. Использование недопустимых доказательств в условиях цифровых технологий: правовые и этические аспекты / А. П. Папикян // Государственная служба и кадры. – 2024. – № 3. – С. 210–213.
6. Корнакова, С. В. Электронные доказательства в российском уголовном процессе: проблемные вопросы / С. В. Корнакова, Е. В. Чигрина // Юридический вестник Самарского университета. – 2025. – Т. 11, № 2. – С. 44–50. – DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-2-44-50.
7. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.04.2026).
8. Допустимость доказательств в уголовном процессе. – М. : Проспект, 2025. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.04.2026).
9. Шихалиева, С. З. Отсутствие хэш-суммы как процессуальная ошибка, возникающая в судебной экспертизе при исследовании объектов в цифровой форме / С. З. Шихалиева // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – DOI: 10.33184/pravgos-2025.1.28.
10. Шеляшкова, А. А. Допустимость использования искусственного интеллекта в уголовном процессе. На что обратить внимание защите / А. А. Шеляшкова, Е. В. Исакова // Уголовный процесс. – 2026. – № 4. – URL: <https://e.ugpr.ru> (дата обращения: 19.04.2026).
11. Деева, К. Оппонент защищается документами из нейросети. Примет ли суд такие доказательства / К. Деева // Юридический справочник руководителя. – 2026. – URL: <https://e.law.ru> (дата обращения: 19.04.2026).
12. Алферов, А. В. Проблема «черного ящика» искусственного интеллекта в гражданском и арбитражном процессе: между судебным усмотрением и технологическим детерминиз-

мом / А. В. Алферов, В. М. Кирьянова. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 19.04.2026).

13. К вопросу о принципе прозрачности искусственного интеллекта в контексте феномена «черного ящика» // Молодой ученый. – 2025. – URL: <https://moluch.ru> (дата обращения: 19.04.2026).

14. Туров, С. С. Проблема ответственности в сфере применения искусственного интеллекта / С. С. Туров, Н. В. Григорьева // Современное право. – 2025. – С. 131–134. – DOI: 10.25799/NI.2025.38.82.024.

15. Уголовно-правовая ответственность за преступления, совершенные с использованием систем искусственного интеллекта. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 19.04.2026).

16. Соотношение средств доказывания в уголовном судопроизводстве и результатов работы алгоритмов искусственного интеллекта // InLibrary.uz. – 2025. – URL: <https://inlibrary.uz> (дата обращения: 19.04.2026).

17. Калиев, А. А. Искусственный интеллект в криминалистике: доказательственные перспективы и риски манипуляции / А. А. Калиев // Криминалистика и судебная экспертиза. – 2025. – № 4. – С. 76–89. – DOI: 10.51634/2307-5201_2025_4_76.

18. К вопросу о допустимости в уголовном судопроизводстве информации, генерируемой системами с элементами машинного обучения (на примере США) // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2025. – № 1. – С. 23–26. – DOI: 10.18572/2071-1190-2025-1-23-26.

19. Сарсенбаева, Б. Б. Интеграция искусственного интеллекта в криминалистическую практику: от анализа данных к принятию решений / Б. Б. Сарсенбаева, А. К. Шаркемелов, С. А. Бегимбаев // Eurasian Scientific Journal of Law. – 2025. – URL: <https://esjl.turan-edu.kz> (дата обращения: 19.04.2026).

20. Костенко, Р. В. Проблемы нормативного обеспечения прозрачности экспертной деятельности при использовании новых технологий для анализа доказательств (на примере машинного обучения) / Р. В. Костенко, М. А. Духанова // Закон и право. – 2025. – № 5. – С. 210–214. – DOI: 10.24412/2073-3313-2025-5-210-214.

21. Singh, S. Reliability and Admissibility of AI-Generated Forensic Evidence in Criminal Trials / S. Singh // National Seminar on Criminal Law and Justice Reforms. – 2025. – P. 45–53.

22. Шайдуллин, Р. Р. О совершенствовании методического обеспечения применения технологий искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности в условиях цифровизации / Р. Р. Шайдуллин // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 1. – DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2026.29.26.

23. Использование нейросетевых языковых моделей в судебном следствии при производстве по уголовному делу // Российский судья. – 2026. – № 2. – С. 33–37. – DOI: 10.18572/1812-3791-2026-2-33-37.

24. Теория средств уголовно-процессуального доказывания о результатах работы алгоритмов систем искусственного интеллекта // Психолого-педагогические исследования. – 2025. – URL: <https://phsreda.com> (дата обращения: 19.04.2026).

25. Richmond, K. M. Explainable AI and Law: An Evidential Survey / K. M. Richmond, S. M. Muddamsetty, T. Gammeltoft-Hansen [et al.] // Digital Society. – 2024. – Vol. 3, № 1. – DOI: 10.1007/s44206-023-00081-z.

26.

© А. Д. Воронаев, В. М. Белов, Д. Л. Косов, 2026